

ОЛЕГ НИКОЛАЕВ

Филолог, фольклорист, культурный антрополог

Ведущий рубрики
Член редакционной коллегии

УСЛЫШАТЬ МНОГОГОЛОСИЕ

Название новой рубрики «Острова словесности» отсылает к огромному разнообразию русской словесной культуры, отнюдь не сводимому к описанному «материку» классики. Когда в 1989 году я взял в руки только что вышедший первый том словаря «Русские писатели. 1800–1917» (к настоящему времени, с большим торможением, вышло пять томов), я был поражён... и посрамлён в своём невежестве. Оказывается, кроме писателей первого, второго... десятого ряда (о последних я тоже кое-что знал, по своему филологическому образованию) существовало великое множество авторов вне всяких рядов и построений, не находящихся ни в авангарде, ни в арьергарде. И за каждым из этих пишущих людей скрывались целые пласты словесности, скорее, именно «острова» — настолько отграничено и экзотично они подчас выглядели.

Литературы областные и локальные... Не только Курская губерния («курские помещики хорошо пишут», по ироничному замечанию Н. В. Гоголя) в своей литературной ипостаси отличалась от Архангельской, но и город Тобольск от города Тюмени, Каргополь от Холмогор... Словесности разных сословий и социальных групп... Писали дворяне — великосветские и провинциальные, служилые и помещики. Писало духовенство: от иерархов церкви до сельских священников и странствующих монахов (все они писали по-разному). Писали купцы, мещане (посадская литература XVII века стала вершиной русского литературного развития того времени) и казаки (были даже казачьи романы) и т. д., и т. п. Литературные традиции разных профессиональных групп; военные, моряки, медики, учителя, инженеры... — все они имели свои «острова словесности».

Этому социальному разнообразию словесной культуры вполне отвечало и жанровое. Об огромных жанровых областях — например, путешест-

вий, бытописаний, семейных хроник, — современный читатель и может получить представление только из упомянутого энциклопедического словаря. Кстати, на мой взгляд, за последние двадцать пять лет это самое серьёзное свершение отечественной филологической науки. Правда, этот источниковедческий «прорыв» (биографические сведения перепроверялись с учётом архивных данных), кажется, не повлёк за собой сколько-либо серьёзных методологических обновлений.

Изменившаяся в советскую эпоху оптика литературно-критического и литературоведческого видения перестала показывать все эти «острова словесности» в прошлом, а в настоящем они просто потеряли право быть означенными на литературной карте. Увидеть, открыть и вернуть в русскую культуру эти подтопленные (иногда — затонувшие) виды словесности — и есть главная задача нашей рубрики.

Особенность их в том, что они в большей степени зависят не от закономерностей развития художественной литературы, а от устных традиций тех социокультурных миров, которые их и породили. Локальный фольклор. Устная история. «Профессиональное предание». Антропологам давно понятно, что профессия передаётся не только через образование и учебные пособия, но прежде всего неофициальным — фольклорным — способом. Рубрика будет знакомить читателей и с «островами устной словесности», у которой — вопреки устоявшемуся мнению, что фольклор лишь подготавливает литературу, — свои законы, свои мастера и свои шедевры. Устная словесность не лучше и не хуже письменной — она просто другая.

«Островная словесность» (включая и устную и письменную ипостаси) строится на воспроизведении непрерывно длящегося в реальности процесса рассказывания-осмысления. Повседневная жизнь русского человека во все времена была переполнена пересказыванием «историй» и «случаев» (пережитых или услышанных); накопленных наблюдений; «слухов и толков», бытующих в молве.

«Пересказанные истории» сыграли немалую роль в русской литературе. Классические тексты XIX века изобилуют многочисленными введёнными в повествование рассказчиками (встреченными в дороге, на постоялом дворе, в гостинице, в какой-либо чужой для повествователя среде и т. д., и т. п.) со своими жизненными историями, байками и просто разговорами, звучащими «по-своему», — в соответствии со «словарём», видением и опытом, заданными разными социокультурными мирами. Это многоголосие и отражено в «островной словесности», тексты которой — и устные и письменные — в дореволюционную эпоху широко издавались (о чём свидетельствует и словарь «Русские писатели...»), что было постоянно растущей почвой для развития русской литературы.

В ближайших планах рубрики — знакомство читателей с некоторыми вновь открытыми «островами» русской словесности. Уникальные образцы классических фольклорных жанров, записанные в последний период уходящей традиции. Литературные опыты кукловодов — актёров

кукольного театра. Бывальщины и байки охотников и рыбаков. Проза геологов. Устные «жития» юродивых 1920–1930-х годов. Русская учёная поэзия на латинском языке...

Открывают рубрику два «острова» — фольклорные сказки, записанные от Матрёны Патриковой, одной из последних русских сказочниц, и «музейные рассказы» Ирины Чирковой (из цикла «Русские пазлы»).

СКАЗКИ МАТРЁНЫ ПАТРИКОВОЙ

Коровушка Бялонюшка

Жёнка помёрла, осталась дочка. И он (дед) взял бабу с двум дочкам: одна дочка — с двум глазам, а у другой — три глаза. А у этой девочки была у матери корова-богатырка. Тогда она погналась в поле, она (мачеха) дала ей кудель: «Вот, спряди, выткай и в трубки покатай — тэй домой гонься».

Она села на между... Плакала-рыдала, Божьего свету не видала. Корова эта увидела:

— Девка-чернавка, чего плачешь-рыдаешь, Божьего свету не выдаешь?

— Ах, матка моя родная, коровка моя! Мачеха дала кудель испрясть, выткай и в трубки покатай. Как же я могу?

— Это, — говорит, — дело Божье, всё сделать можно. Влезь в правое ухо, в левое вылезешь: выпрядешь, выткешь и в трубки покатаешь.

Она в правое ухо влезла, в левое вылезла: выпряла, выткала — в поле и подскакивает! Рада, что сделала.

Гонится домой. Пригналася домой.

— О-о! — мачеха. — Правда, что говорили, что корова — богатырка. Как же это она могла сделать так?

Назавтрее опять гонится в поле, села, говорит сестре: «Дай я тебе поищу». Она искать, а сестра дремать. Она её с колен спихнула. Ну, она и заснула, эта девка. А сама пошла на между и заплакала. Плакала-рыдала... Опять корова эта увидела:

— Эй, девка-чернавка, что ты плачешь-рыдаешь, Божьего свету не выдаешь?

— Коровушка Бялонюшка, моя мачеха вчера дала много кудели, сѣдни — больше. И чтоб выпрясть, выткай и тэй домой гнаться.

— Это дело Божье — всё сделать можно. Лезь в правое ухо: выпрядешь, выткешь... — и всё делай.

Она влезла, спряла, выткала — и вылезла. И подскакивает! Эта проснулась, эта заплакала девочка: «Теперь как домой гнаться? Матка убьёт — не видала». Ну, а эта (дедова дочка) скачет.

Пригналися домой.

— Что? Как, дочушка?

Она (мачеха) и взялась дочку свою бить:

— Как ты глядела? Не могла углядеть!

Ну и ладно. Опять переночевали. И она (мачеха) даёт с трём глазам девку:

— Гляди ж, доченька. Гляди, как она будет делать.

Опять такую дала куделю — ещё больше.

Пришла в поле, села, опять говорит:

— Сестрица, дай я те поищу.

И она искать — она дремать... А забыла, что у неё третий глазок был. Ну, она, эта девка, всё разглядела, как она делала. Гонится домой, эта (дедова дочка) уже заплакала, что: «Ох, как это я ошиблась, что я глазок тот не закрыла».

— Мамушка, видела, — говорит, — пришла наша корова Бялоха к ней, а она села, стала мне искать — я дремать, а про третий глазок мой забылася. Тогда, — говорит, — корова пришла, Бялоха: «Девка-чернавка, что ты плачешь-рыдаешь, Божьего свету не выдаешь?» Так она в правое ухо влезла, в левое вылезла: выпряла, выткала — и домой гонимся.

Так она и заплакала, девка эта (дедова дочка). А эта скачет. Ой, как она (мачеха) на мужика:

— Умираю — хочу мяса Бялохина. Не нарежешь — я умру.

— Ах, Боже мой! Корова шестым телёнком! Хозяюшка ты моя, я ж тебе какого хочешь мяса достану.

— Нет, только Бялохина, а то умираю.

Ну что. Подумал, подумал: «Одна жёнка помёрла, и эта помрёт». Ну ладно: «Пусть хоть она сходит в поле сёдни, да и уж завтрее нарежем её».

Ну, выгнались в поле. А она уже кудель не дала ей. Выгналась девка в поле, села на межу и плачет, плачет горьким слезам. Она увидела, корова, опять идёт:

— Эй, девка-чернавка, что ты плачешь-рыдаешь, Божьего свету не выдаешь?

— Коровушка Бялонюшка, матушка моя родная, моя мачеха захотела твоего мяса.

— Ой, пусть её разорвёт. Пусть жрёт, она не наистся мной, — говорит. — А ты только не ешь. Когда они меня нарежут, то ты проси у их рожки, да ножки, да кишочки, да сходи на речку, вымой чистенько, и попроси у неё корытца, и ссеки дробненько. Дробненько ссеки и возьми по саду, по огороду по всёму посеи.

И погналася домой, пригналася. Корову эту взяли зарезали. Мачеха тут скачет — она (корова) жирная такая.

— Мам, — говорит, — мне дайте только рожки, да ножки, да кишочки, я и мяса исть не буду.

Мачеха: «Вот это хорошо: и мяса исть не будет. А что там в кишках?! Отдаём». Взяли отдали ей: ноги, да роги, да кишки. Она пошла на речку, вымыла, корытце попросила, ссекла в мелкую капусту. И пошла по огороду по всёму засеяла. И спать легли.

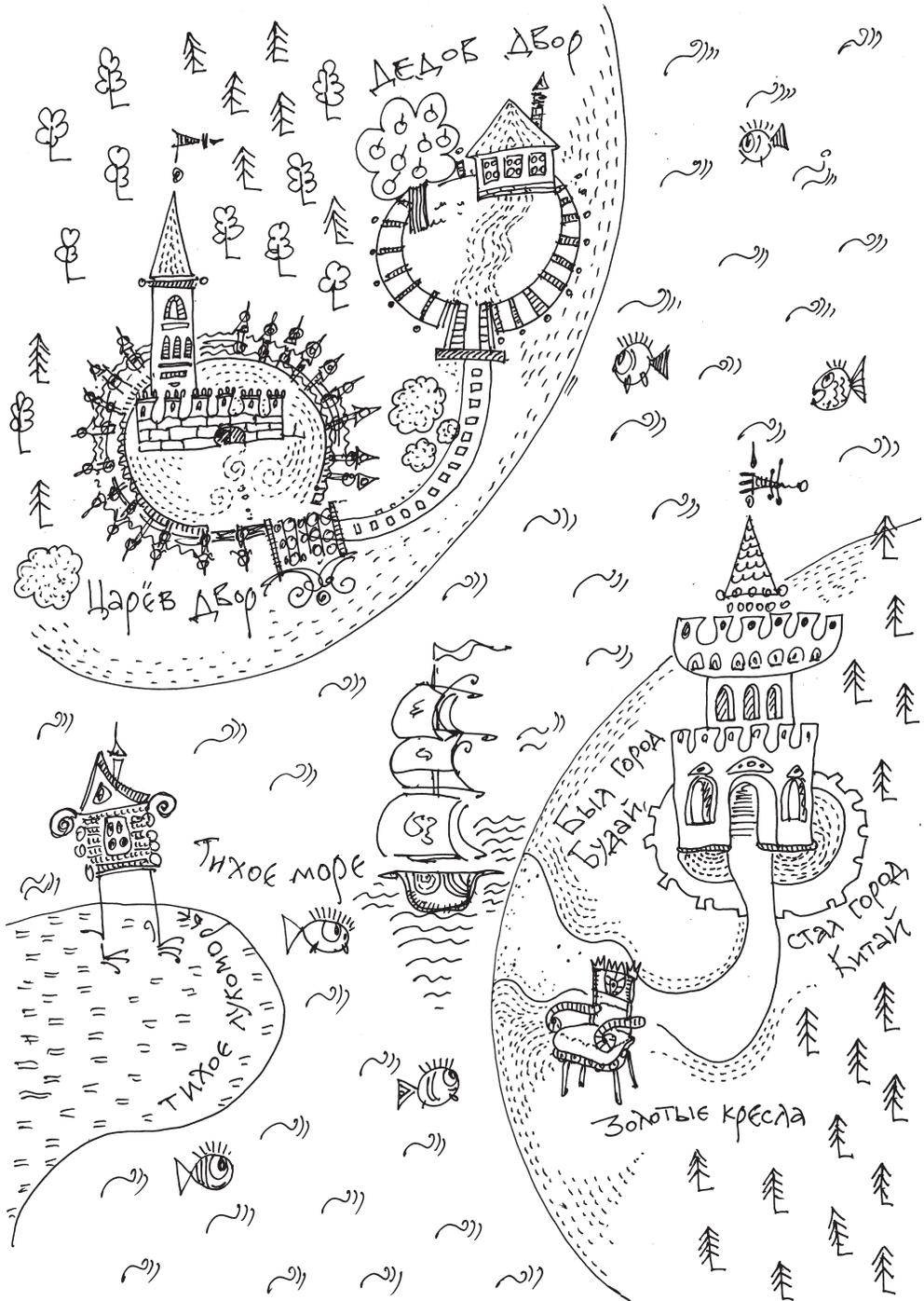

Рисунок Антонины Михайловой. Санкт-Петербург

Назавтрее — золотая яблоня и серебряная, на ней яблоки серебряные, и птички поют разные... и соловьи. Как она идёт, а весь сад к ней приклоняется. А её девки как идут — откуль сороки-вороны? — все волосы повыдерут в голове и в сад не пускают.

Ну, это время ти много, ти мало прошло. А они, правда, все были красивые девки: и эти были красивые, и эта красивая была девка, которая дедова.

Царский сын гулял по царству. Ездил... ехал-ехал. «Охти! — поглядит, — у старика такой сад, что у моего отца нет такого сада. И какие-то девушки гуляют, красавицы...» Он не подошёл к ним, а домой приехал и сказал отцу-царю:

— Вот такая местность, едь в сваты. Вот такие, — говорит, — девки. Да спроси, чим оны хитры, чим они мудры — эти три девушки.

Ну, он поехал. Мачеха:

— А-ой, разве ты будешь, царь, да моих девок брать? Царь-батюшка, не посмейся, — говорит, — это простые.

— Ну, да моему сыну подобали, ничёх не сделаешь.

Ну, тогда она взяла: «Вот я тебе сделаю. Возьму им голову помочу». Взяла своей слинкой помочила, а дедовой дочке — кружку на голову, и повела сушить. Говорит:

— Которой голова высохнет быстрее, то и твоя невеста.

Так она взяла своим-то только слинкой помочила, а ей целую кружку, этой девке.

Повела на солнышко сушить. Идут: у них течёт, а у дедовой дочки — ничего! Тогда он говорит, царь:

— Верно, вот это моя невеста будет.

Ладно. Ну, тогда и говорит:

— Чим твои дочери они хитры, чим они мудры?

А-а!.. Вот малая эта говорит девка:

— Я из единого зерёнка все царства прокормлю.

— Хороша, — говорит.

А бóльшая сказала:

— Я из единого повесома все царства приодену.

— Тоже хороша. А что ж дедова, как?

— А я, — говорит, — чим хитра, чим мудра: рожу три раза по три мальчика: руки в злате, ноги в серебре, на макушке дробные звёзды, в потылицы ясен месяц, походка в походку и говорка в говорку, и ростом как один.

— Ух, эта хороша тоже!

Да...

— Вы, — говорит, — подарунку дайте моему сыну.

Она пошла, эта дедова, нарвала самых любых яблочков и завязала в платочек, ему подала. А эти пошли — ольховых и тех не дали сороки, всех задрали — не дают рвать и всё.

Ну, и царь поехал. Вот приезжает, сын и спрашивает:

— Ну, как, па, там невеста?

— Вот так невеста, — говорит. — Дедову дочку взяла, кружку воды вылила, повела сушить, а своим слинкой помочила. Да и ведёт этих — течёт, а дедова дочка — высохла.

— Да. Ну ладно. А чим они хитры, чим они мудры?

— А вот малая сказала: «Я из единого зерёнка все царства прокормлю».

— Это — говорит, — пустое.

— А бóльшая сказала: «Я, скажи, из единого повесома все царства приодену».

— Это тоже пустое. Это, — говорит, — пустое.

— А дедова дочка сказала, что «рожу три пуза по три мальчика: руки в злате, ноги в серебре, на макушке дробные звёзды, в потылицы ясэн месяц, походка в походку и говорка в говорку, и ростом как один».

— Вот эта, — говорит, — хороша. Брать эту, не брать этих. Только! — сказал он.

Ну, взяли свадьбу сыграли. И сад перешёл сюда, к царю. Как только она перешла, так и сад перешёл, с этой девушкой.

Ну, она ти много походила, забеременела:

— Муж мой милый, муж любимый, едь, — говорит, — за моей мачехой — мне время рожать.

Царский сын:

— Жена моя милая, жена любимая, у нас же свои бабки... — говорит. — Что ты?..

— Нет, — говорит, — у моей мачехи лёгко родить, едь за моей мачехой.

Ну, вот она приехала. Родили трёх мальчиков: ноги в злате, руки в серебре, на макушке дробные звёзды, в потылицы ясэн месяц, походка в походку и говорка в говорку — как один.

Мачеха взяла завела за баню:

— Были, — говорит, — вы добрым молодцам, обернитесь сизым голубцам. Летите за тихое море, за тихое лукоморье, где стоит изобка на курячих ножках, на бараньих рожках, куда ветер повеет, туда — дверь. Там вам питанье, там вам и питавальня.

А сама побегла по городу, трёх собрала щенков и несёт царю:

— Вот ваша невеста, кого родила.

— Ой-я, что ж это такое?! Что это может такие случаи быть?

Ну что ж. А они (царь и его сын) жалеют — она красивая и хорошая: «Ну, будем дожидать другого пуза». Что ж, она молчит, ничёх не говорит, эта жёнка. Живёт, опять — ти много она походила — опять забеременела, опять надо родить.

— Муж мой милый, муж любимый, едь, — говорит, — за моей мачехой — мне время рожать.

— Что ты, жена моя милая, разве у нас нет акушерок? Разве у нас нет...

— Нет-нет, только с ней лёгко родить.

Поехал, опять привёз. Она опять так родила, опять трёх мальчиков: ноги в злате, руки в серебре, на макушке дробные звёзды, в потылицы ясэн

месяц, походка в походку и говорка в говорку — как один. Взяла мачеха завела за баню:

— Были, — говорит, — добрым молодцам, обернитесь сизым голубцам. Летите за тихое море, за тихое лукоморье, там вас будет шесть. И там стоит избобка на курячьих ножках, на бараньих рожках, куда ветер повеет, туда дверь воротит. Там вам, — говорит, — и питание, и ваша жизнь вам.

Ну ладно. Побегла мачеха, опять трёх щенков собрала где по городу и понесла:

— Вот ваша жена родила, а ваша, — говорит, — невестка.

Ну, что делать? Он сказал:

— Последнее пузо дождётся, что будет мужик.

Ну, опять так же... Это большая сказка. Опять немного походила, опять забеременела. Ну, походила она там — много... — опять надо родить.

— Нет, жена моя милая, никогда не поеду за твоей мачехой.

— Нет, поедешь, с ней легко родить, — поедешь и всё.

Ну, поехал. Покуль она (мачеха) ехала, она (царевна) одного родила да взяла его под пазуху и подвязала себе, одного мальчика. А тогда приехали, родили.

Мачеха:

— А что это, — говорит, — только два?

— Да, матушка, ошиблась, на одного ошиблась...

Она (мачеха) и этих взяла, так опять завела, говорит:

— Летите за тихое море, за тихое лукоморье, там вам и питание, Вас будет восемь штук там.

Ну, что ж он (царский сын)? Что делать с ней? Ай-я-яй... Бить её? Жалеет. Взял, в бочку всадил и на море пустил: «Пусть она сама помирает, не буду её бить».

Ну ладно. Катает ветер по морю бочку. А он растёт, ребёнок этот уже:

— По мамкиному рождению, по бабкиному благословию, кабы вот взнялся ветер и прибил бы эту нашу бочку где-нибудь на край.

И ветер взнялся, взял катать — и как раз в чужое царство взял да и... Чуют — уже бочка зашуршала, встала на песок. Тогда они там поспали, поели, говорит (мальчик):

— По мамкиному рождению, по бабкиному благословию, кабы на этой бочке полопались обручи, чтоб мы видели белый свет.

И обручи треснули — и они видели белый свет. Она, царевна, вышла, села на золотые кресла, а царевич перед ней на коленках стал.

И купцы-корабельщики, сколько по морю ходят и только дивуются: что был город Будаи, а стал город Китай. Лучше, как его (царя) царство. И отваливает он (корабль), отваливает... А царевич мушинкой оборачивается и с этим кораблям — это уже он вырос! — едет туда, на батькину площадь, где этот царь ходит:

— Эй, купцы-корабельщики, чи давно по морю ходите, чи не видели бочки какой болтается?

— Ай, царь, мой царь, батька, как ты глупо пытаешь. Ты скажи что: чи не видели какие оказии, что вот был город Будаи, а стал город Китай; сидит царица на золотых креслах и царевич: руки в злате, ноги в серебре, на макушке дробные звёзды, в потылицы ясен месяц.

— Ах, матки-панибожьи, это моя жена, мои детушки.

Она (мачеха):

— Что ты-ы! Это не хитрость, это не мудрость. Вот есть в десятом царстве, десятом государстве воперь: лычём орёт, хвостом скородет, за ним белая пшеница рóдится, сытница печётся и на торг несётся. Вот это хитрость, вот это мудрость.

Ну ладно. Он (царевич) — пых! — полетел. Приходит, а она (мать) спрашивает:

— Ну что?

— Папка пропытывает, бабушка загадки загадывает. Кабы вот в эту ночь не в мой город, а в татушкин прибыл тот воперь.

И легли спать. А воперь тот уже прибыл сюда: лычём орёт, хвостом скородет, пшеница-сытница печётся и на торг несётся.

Ну, опять купцы эти, корабельщики, приходят опять. Поглядят, что теперь — и воперь тут! Ну, дивуются — что такое? И царица сидит. Они отваливают, он (царевич) опять мушинкой обернулся, опять с ними полетел на батькину площадь. Приезжают. Он (царь) опять спрашивает:

— Эй, купцы-корабельщики, чи не видели, — говорит, — бочку на море?

— Э-э, как ты глупо пытаешь. Чи не видели какую оказию, что город был Будаи, стал город Китай, лучше того. Сидит царица на золотых креслах, царевич: руки в злате, ноги в серебре, на макушке дробные звёзды, в потылицы ясен месяц. И воперь: лычём орёт, хвостом скородет, белая пшеница растёт, сытница печётся и на торг несётся. Вот это хитрость, вот это мудрость.

А она (мачеха):

— Ай, зятёк мой милый, это не хитрость, это не мудрость. В тридесятом царстве, в тридесятом государстве сосна стоит, дятел сидит: на один бок кинет — злато, на другой — серебро. Вот это хитрость, вот это мудрость.

Ну, он опять полетел, мушинкой полетел, эти (корабельщики) поехали.

— Ну что? — мать спрашивает.

— Папка пропытывает, бабушка загадки загадывает. Кабы, — говорит, — не в мой город, а в татушкин, по мамкину рождению, по бабкиному благословию прибыла б та сосна и тот дятел.

Ну, они легли спать — и всё. Опять — и тут стоит сосна, и дятел долбит: на один бок — злато, на другой — серебро.

Ну, ладно. Тогда опять приезжают купцы эти, корабельщики. Ой! — дивуются. Что за оказия такая! Ну, он опять отправляется ехать туда. Отваливают, и он (царевич) опять мушинкой обернулся и на пристань на батькину приезжает. Опять он, царь, выходит:

— Эй, — говорит, — купцы-корабельщики, чи не видели бочки — на море болталась?

— Нет, — говорят, — не видели. Оказией видели, что вот был город Будаи, стал город Китай. Всё только там есть...

Всё, — чего я вам поговорила — там всё есть.

(Мачеха):

— Ай, это не хитрость, это не мудрость. А вот хитрость, вот мудрость: в десятом царстве, в десятом государстве, за морем, есть восемь мальчиков — руки в злате, ноги в серебре, на макушке дробные звёзды, в потылице ясён месяц. Вот то хитрость, вот то мудрость.

Это она (мачеха) про мальчиков, про этих рассказала. Так он (царевич) — пых! — полетел. Прилетает к матке:

— Мам! — говорит.

— Что ты?

— Чи один у тебя я, — говорит, — был?

— Ой, сынок, вас было девять, восемь неизвестно где страдают.

— Мама, натискай ты молока, какого ни быть, с грудей, чи сыворотки какой. Спеси ты мне девять просвирочек, поеду я их искать.

Она там тискала и жалá... — сколько она там нажалá? — и спекла девять просвирочек.

— Завяжи мне в платочек.

Он обернулся там голубом, подвязал (платочек с просвирками) и полетел через море куда — искать их.

Прилетает — хатка стоит на курячьих ножках, на бараньих рожках, лампадка топится. Нет никóго. Столик стоит засланный, и он взял разложил этих девять просвирок на стол, а сам лёг на печку за трубу — лежит.

И! — в подполни! Как летят, как прилетают — сизым голубцам! Обернулись — добрым молодцам! Все стали: руки в злате, ноги в серебре, на макушке дробные звёзды, в потылицы ясён месяц. Все в хату:

— Ай-я, господи, что такое? Летаем, пищу добываем, а нам пищу Бог в хату принёс. Это, верно, смерть наша. Что мы будем теперь делать?.. Разрежем одну просвирочку: ти смерть, ти что? Покушаем мы её.

Разрезали — так все и заплакали:

— Ой-я, Господи, маткиного молока не кушали — это маткино молоко. Есть кто есть, показывайся нам: старший нам — отец нам, младший — брат нам.

Что ж он? Соскочил — третий ровный им. Сели это они.

— Братцы мои, это не жизнь вам.

Сели, съели эти просвирочки все в девятерых.

— Полетим со мной.

Обернулись голубцам, и прилетают к матке — все на коленки пали! Обцеловали, обмиловали маму, и все на коленках стоят перед царевной.

Купцы-то корабельщики приехали, поглядели:

— Ой-я, что это за оказия? Девять штук! Руки в злате, ноги в серебре, на макушке дробные звёзды, в потылицы ясён месяц, походка в походку и говорка в говорку, и ростом как один.

Они опять отваливают, он (царевич) опять мушинкой обернулся и полетел туда.

Царь и спрашивает:

— Эй, — говорит, — купцы-корабельщики, ты не видели где оказии: на море бочки?

— Ой, как ты, — говорит, — глупо пытаешь. Ты скажи: чи не видели какие оказии — сидит царевна на золотых креслах, девять царевичей: руки в злате, ноги в серебре, на макушке дробные звёзды, в потылицы ясён месяц, походка в походку, и говорка в говорку.

— Ох-ти, это мои детки! Это мои детки. Еду туда.

(Мачеха):

— А-ай, когда ж твои детки, так пусть от её дворца, от её от крыльца до твоего дворца будет золотая яблоня и серебряная, и чтоб сукном подернуто — чтоб ты поехал в гости.

Ну, легли спать. И от её дворца и помостился мост с красным сукном. Так царь запрягает, забирает бабу эту, и с трём глазам, и эту девку — и сам едет в карете туда. Приезжает. Они все на коленки пали:

— Отец наш! — признали.

Он всех поцеловал, жену стал просить прощения. А этих всех расстрелял, всех разорвал этих трёх, что это они так мучали.

Вот и сказка вся.

Ляксе́й Горемы́ка

Жил у царя по семь лет — не уживал ни шапки-муромки, ни коня доброго, ни меча острого. Пожил у царя-добрудителя, пожил лишний год — выжил шапку-муромку, коня доброго и меча острого. Пошёл в царский каба́к — пропил, прогулял это всё доброе. «Ах, Боже мой, — хватился он. — Пойду к царю, послужу ему лишний год, он это мне всё и вернет».

Как напал царь-победитель, отобрал у царя-добрудителя купесту-манасту, силу-казну несметную. После этого... Ляксе́я Горемы́ка. А у Ляксе́я Горемы́ка был кремешок богатырский. Ну, что ж делать? Он пошёл — и царь сидит, задумавшись. Царь:

— А что ты, — говорит, — пришёл?

— Я тебе лишний год послужу, только верни моё. А ты что?

— А после тебя, — говорит, — напал царь-победитель, отобрал у меня купесту-манасту и силу-казну несметную — всё забрал. А вот верни — я свою дочь отдам за тебя замуж и полцарства отпишу.

— Верну, — говорит, — это тебе всё верну.

— И вот я тебе тогда свою дочь отдам замуж, и полцарства тебе будет. А после смерти и царство всё.

Ну, Ляксей Горемыка пошёл... сел на коня и поехал к этому царю, который победитель — победил добрудителя. Въехал на его луг: где ни козьявка не приползает, ни муха не прилетает. А он взял шатёр распял, огонь расклат — и покатывается. Увидел этот царь:

— Что ж это за блазень такой приехал? На нашем лугу ни козьявка не приползает, ни муха не прилетает. А он въехал, огонь расклат, шатёр распял — покатывается.

Послал девять слуг:

— Солдаты, идите, ссеките, срубите его, в огняную реку вкатите!

Слуги: «Ну что мы его будем бить? Он, — говорит, — спит. Может, и конь не подпустит. Проснётся... — ну что нам бить: мы в девятерых, а он один. Эх, — говорит, — проснулся».

— Кто ты — чи царь-царевич, чи король-королевич, сильный, могучий богатырь? Что ты? На наш луг ни козьявка не приползает, ни муха не прилетает, а ты шатёр распял, огонь расклат — и покатываешься.

— А я, — говорит, — ни царь-царевич, ни король-королевич — Ляксей Горемыка, Ляксей Фёдорович.

— Будем драться.

— А будем драться. Дайте трубочку наложить, смелей к вам подступить.

— А это, — говорит, — дело Божье, сделать можно.

Он вытянул масачёк-кремешок, секанул-рубанул — выскочило двенадцать богатырей железных. Говорит:

— Ссеките, срубите этих восемь, в огняную реку вкатите, а этого живцом подтащите.

Он этому взял оторвал руку, оторвал ногу, посадил на коня — и прогнал, как пса, чтоб царю-добрудителю отдал купесту-манасту, собаку Карнауха: «А то я град-город подступаю, град-город сожгу и метлой подмету!».

Царь-победитель:

— Ой, — говорит, — что вы? Вы неверно служите, что это не могли сонного убить вы одного.

— Больно бьеть, не могём терпеть.

Ну... И вот что ж? Тогда он ещё присылает, других. Других ещё отправил: «Вы срубите его!»

Он опять покатывается на лугу, спит — и всё. Ну, это опять они: «Ну что, — говорит, — ну что это — сонного его бить. Ну, лежит, мы ж одного его... тут и бить некого». Проснулся.

— Чи ты царь-царевич, чи ты король-королевич? На нашем лугу ни козьявка не приползает, ни муха не прилетает, а ты шатёр распял, огонь расклат — и покатываешься.

— Я, — говорит, — ни царь-царевич, ни король-королевич — Ляксей Горемыка, Ляксей Фёдорович.

— Будем драться.

— А будем драться. Дайте, — говорит, — трубочку мне наложить, смелей к вам подступить.

— А это дело гоже, — говорит, — сделать можно.

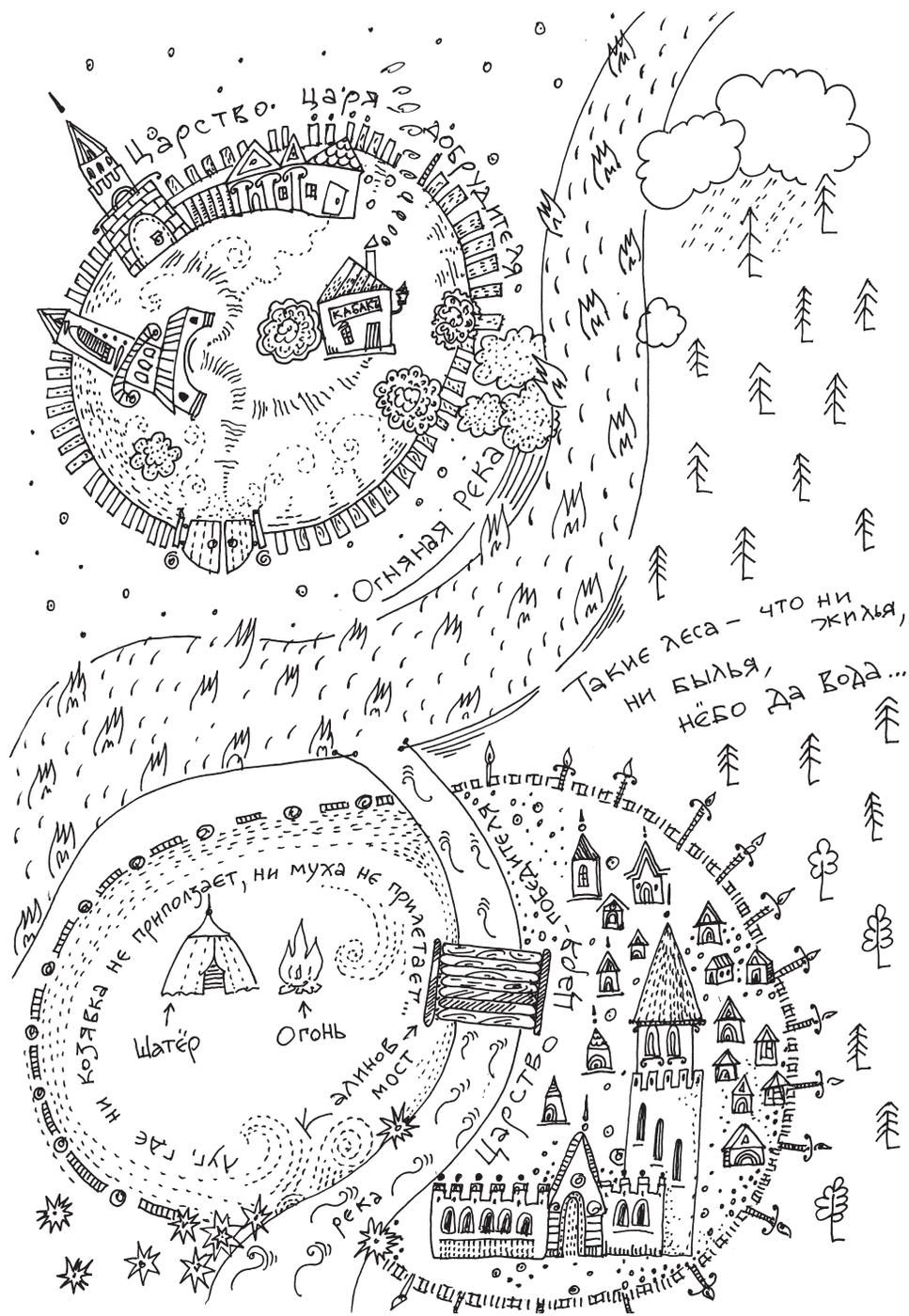

Рисунок Антонины Михайловны. Санкт-Петербург

Он вытянул масачёк-кремешок, как секанул-рубанул — опять двенадцать богатырей железных вышло.

— Всех!.. А этого одного подтащите ко мне.

Этих ссёк, срубил, в огняную реку вкатил. А этому выколыпал глаз, оторвал руку, оторвал ногу, посадил на коня — прогнал, как пса, чтоб царь-победитель отдал царю-добрудителю купесту-манасту, силу-казну несметную: «А то град-город подступаю, град-город сожгу и метлой подмету!»

Э-э-э! Царь едет — са-а-м! — сюда. («Да царь пусть прибудет и сам сюда!»)

Царь:

— Что ты так, — говорит, — поступаешь, за царя-добрудителя? Да у меня дочь есть не хуже её. Я тебя тоже могу в зятя взять — и царство тебе.

— А мне всё равно. А ты это всё отправь, отправь царю-добрудителю. Ну, мне всё равно — могу и с твоей дочкой жениться.

Ну, царь это всё отправил. А этим — жениться: Ляксею Горемыке с дочкой царя-победителя. А царь приказал: «Вот ночь сёдни: кто пойдёт на двор, того гнать — где ни жилья, ни былья, нёбо да вода».

А Ляксею Горемыка лёг, да что-то и захотелось ему на двор. Говорит царевне:

— Можно до ветра мне сходить?

Она:

— Сходи.

Так его как загребли, как попёрли! Ладно, что ружьишко захватил да пинжачишко. Попёрли в такие леса — что ни жилья, ни былья, нёбо да вода. Загнали его — и всё. «Во, когда пропал я, пропал и пропал. Вот не послушал того...»

Ну что ж, ходит день. Где убьёт дятла какого, пташку — сжарит, съест. Так и ходит. Послушает — гомон в лесу, крик.

— Что такое? Крик, гомон?

— А вот, — говорит, — была у царя свадьба. А мы украли, злато, серебро и шапку-невидимку.

— А что это — шапка-невидимка?

— А вот это... Это всё разделили, а шапку-видимку никак не разделим. Рассечь её? Тогда она...

— А на что ж тогда?.. А я вам вывернишек сделаю, пушу: кто догонит — возьмёт. Достанется одному, не обидно никому. А так куда ж она будет? Рассеките — и никому не будет пользы.

Ну, они согласились. Как побегли — так он шапку надел, злато-серебро вмёл в кучку, сел под куст и сидит: «Во, — говорит, — досталась одному, не обидно никому». И ни злата, ни серебра — никого нет, и его нет.

Ну ладно. Опять эти (разбойники): «А мы вот... у царя была свадьба, накрали это всё, и шапку-невидимку украли эту. Ну, ещё украдем». Пошли.

Там ти много Ляксею Горемыка походил. Крик, гомон опять в болоте: «Что ж мне бояться? Я царевич чужестранный. Пойду. Кто там? Крик, гомон...» Подходит:

— Чи вы добрые, чи вы...? — говорит.

— Мы ни добрые, ни худые — воры да разбойники только. Вот украли у царя злато-сребро — разделили. Украли бочку-солёвку и сокóл-самолёт. И вот никак не поделить.

— А, — говорит, — а что этот сокóл-самолёт?

— А этот сокóл-самолёт: сядешь — куда хошь вывезет. А бочка-солёвка: распахнись, размахнись — всякого питенья-еденья даст, всяких напитков.

— Ну, сдайтесь вы на мой суд, — говорит. — Я вам вывернишек сделаю и пущу: кому достанется, тому достанется — тому и дело. А так, что вы? Рассечь это — и всё?..

Ну, они согласились. Он как пустил — они побегли! А он скорей шапку-невидимку надел эту, взял бочку-солёвку и сокóл-самолёт, сел под куст. И они его не видят. «Во, — говорит, — досталась одному, и не обидно никому!»

(Разбойники):

— А мы себе ещё украдем.

Э-э-э... Он тут от них вышел. Ну, тут он с кустов, с болота, к реке:

— Бочка-солёвка, размахнись!

И дала питенья-еденья. Ему уже тут — о-о-о! — питеньё-еденьё... И сокóл-самолёт этот — куда хошь вывезет. Он день тут гуляет, пьёт — и с силой собрался. И другой день уже у него — питенья-еденья! Уже тут сыт он.

— Эй, сокóл-самолёт, полетай в победительское царство!

И бочку-солёвку кладёт, на сокóл-самолёт садится... — и прилетел, и сел под калинов мост.

А они тут уже гуляют — она уже женится, его жёнка. Бýла свадьба. А он сидит. Тогда он взял — холод, голод сделал такой, хоть бы собаку разорвать. А она: «Боже мой!» Она видит, что, верно, что-то есть. Так она и схватилась:

— Кабы Ляксе́й Горемы́ка, Ляксе́й Фёдорович да прибыл, никакие хитрости, никакие мудрости не бы́ло.

Ну, он опять воцарился — дал питенья, еденья. А она опять пошла гулять — и забыла про его. Ну ладно. Тогда он сделал сонных капель: «Бочка, замахнись, запахнись — и дай сонных капель». И она замахнулась, запахнулась — и жена его как шла, так и заснула тут, на этом на калиновом мосту, где гуляли.

И взял её — и положил в реку ногам, а сам сидит. Сидит, глядит. А она лежала, лежала, проснулась: «Ах, матки-панибожьи! Это Бог меня наказал. Ляксе́й Горемы́ка!..» Сидит день, сидит два — и голод уже, есть хочет. А он ходит, не показывается ей. Ну, конечно, ду́рный. Он не ду́рный, да вот..

Ну ладно.

(Жена):

— Кабы Ляксе́й Горемы́ка прибыл бы, никакие хитрости, никакие мудрости — век бы мы с ним жили.

Она знает, что уже тут есть что-то. Ну, он ходил-ходил, ходил-ходил... Она плачет горьким слезам. Сжалился, показался ей.

— Ай, Ляксей Горемыка!.. Как ты тут жил, Боже мой? Как ты тут жил, столько страдал?

А что ж? Она и заставила его страдать.

— А что ты пил, ел?

Не показывает эту бочку-солёвку. Что ж? Опять ходили голодные — вяло так, вяло... — уже третий день не евши. Он показал эту бочку-солёвку, показал это всё... и сокóл-самолёт. Это ж батьки её — сокóл-самолёт, и бочка-солёвка эта — батьки. (Разбойники) украли. Ну, дала (бочка-солёвка) питенья-еденья, разных напитков.

— А-ай, Ляксей Горемыка, Ляксей Фёдорович, дай те поищу — у тебя мошки-блошки завелись. Ходи сюда, да поищу.

А сокóл-самолёт тут. Он ей всё показал, и шапку-невидимку он ей показал. Тогда он спать — он уже тут сбился и заснул у ней на коленях. Она — пихай-пихай! — долой спихнула да его в воду ногам. Как он её положил, так и она его положила. Сама села на сокóл-самолёт, бочку-солёвку взяла... Прилетает в антихристское царство. Так.

Она взяла села и улетела, и его кинула. Что ж? Лежал, лежал — проснулся. Ахти, Боже мой! — проснулся. Нет нигде никóго. Плакал, делал... И что ж делать? Тогда едет святой Микола.

— А, — говорит, — рано показался. Рано показался ты ей. Надо было побольше помучать. Садись в лодку со мной. Теперь ты попал. Твоя жена... уже она женилась с другим, — говорит. — Поедем в тот город со мной, рекой.

Повёз он его. Ну, что?

(Святой Микола):

— У тебя масачёк-кремешок есть, и твой масачёк-кремешок лежит в головашках. Она не знает, что с ним делать. Ну, они лежат вдвоих, — говорит. — Когда я тебя привезу к городу, иди в непоказанные часы, уже совсем все будут спать, тебя никто не увидит. Иди туда, только не буди её. Она в каменных палатах там, в царских, лежит. И бери перше свой масачёк, он лежит в головашках у ей. Тогда буди её. Только ссеки, сруби тогда — всё это выжги. И чтоб выстроил церкву — святого Миколы: ходили люди, Богу молились. И выжги этот город — всё, чтоб его не было. И метлой подмети.

Он взял масачёк-кремешок и стал у порога, стал её будить. Она: «Ах!» — проснулась. Цап — туда, цап — нет. Так он секанул-рубанул — выскочило двенадцать богатырей железных:

— Возьмите этих блазнев — ссеките, срубите, в огняную реку вкатите. И сожгите это всё подворье, только каменные палаты пусть останутся.

Всё выжег и вымел. Ну что ж?.. Тогда уже этому царю, добрудителю, передаёт, что вот так.

(Царь):

— А, — говорит, — я не гребую. Я знаю, что ты много пострадал. Не гребую. Ну, я свою дочь всё равно за тебя отдаю.

И вот тогда у них свадьба — взял сыграл царь. И уже с царём-победительским царством стал, и жену он уже срубил тогда, и царства эти все выжег. Вот. И сказка вся.

Млад юнош

Она любила гулять, а надо родить. А хоть у соседа свадьба. Ох... пошла в сад и плачет: «Ох, Боже мой, как это мне нехорошо, а я смерть люблю плясать, а сёдни родить, а у соседа свадьба».

И плачет в саду в полночь. И чёрт этот кривой идёт к ней:

— Что ты плачешь, молодуха?

— А я плачу, что сёдни у соседа свадьба будет, а мне надо родить, а я плясать люблю.

— Ой, и родишь, и будешь плясать, и ребёнок твой будет углежено. Не плачь. Только, — говорит, — разрежь мизяный палец крестом и на тряпочку напусти кровí.

Она взяла разрезала этот мизяный палец и на тряпочку напустила ему кровí. Он взял в карман, пошёл.

И она родила, и тут свадьба — пляшет! Все дивуются:

— Ай-я-яй! Родила и пляшет! Ну, что это у неё такое? Пляшет молодуха — да и всё!

А он колышет: когда малец там закричит, он, чёрт, колышет его. Ну, свадьба прошла, а малец взялся не по годам, а по минутам расти. Так растёт малец — что всё! Как увидит она его, так горьким слезам плачет; так плачет — что всё! Малец уже стал ходить и понимать это всё:

— Мама, что такое? Не видишь ты меня — не плачешь, как увидишь — так плачешь. Что с тобой?

Молчит, не говорит она.

— Что-то есть, мама!

А это уже ему и ладно оставалось: ти четвёртый год, ти что...

— Мама, скажи, почему ты плачешь по мне? Как только... — так всё плачешь.

— Ай, сынок, я тебя продала.

— А-а, ты меня продала?! Так я жить с тобой не буду, — говорит, — я пойду искать.

— Я, — говорит, — к чертям продала тебя.

— Ой, я, мама... я же жить с тобой не буду, я пойду свою расписку искать. Пойду искать... — говорит.

Ну и пошёл малец. Пошёл — лежит два разбойника. Тоже были разбойники — согрешившие Богу. Они много лежали — за муку Господь им там...

— Млад юнош, куда ты идёшь?

— А вот иду... — говорит, — меня matka продала чертём. Иду свою расписку искать.

— А вот мы тебе скажем: будет мельница, и мельник живёт. А он ходит к ним, а мельничиха дуже не любит, что он ходит к чертём. И вот, иди туда, они тебя должны помиловать. А ты нам, — говорит, — дай своим ртом

водички в ключе, причасти ты нас. Ты не грешный, только тело грешное ещё, а то ты не грешный.

Он взял ртом — одного причастил. Дал — этот помёр, переставился. Другому — и другой переставился. Сам пошёл, пришёл туды, в мельницу. А мельничиха:

— Ах, Боже мой, откуда ты такой пришёл, молоденький? А что ж такое это?

— А-ай, тётушка, такое мне горе, — говорит, — так и так...

— А он сейчас в чертёх, мой хозяин. Ой, я не люблю, что он ходит. Ой, не люблю! Ну, будем как-нибудь его просить, Ты ночевать у меня — ночуй.

Она его накормила и сховала его, положила спать. Ну, мельник в полночь идёт домой оттуля. Приходит. Ух, как она! А она, бывало, всё бранит его... А это так завеселила, так завеселила:

— Ой, что ты так поздно сёдни пришёл, поздно дуже.

— Ай, что это такое у тебя случилось? Ни разу слова доброго не было. А это — что это? У тебя что-то есть, не так?

— Да не, так. Не всё будем сердиться, будем когда...

— Да не, не так.

Тогда она... ходит, покормила там его:

— Знаешь что? Млад юнош пришёл — за распиской; его matka продала.

— О-о, это не тебе говорить, не мне слухать. Всё-таки я знал, что ты не так ко мне обратилась. А ты сходи сама туда к ним.

— Я же не хочу туда. Не-е, уже ты помилуй. Он не грешный. Он только, — говорит, — млад юнош. Ну, что ж, тело только грешное ещё.

Он показался, мальчик, им:

— Отец, я вас закормлю, и вот не кину до смерти, только помилуйте меня, возьмите мою расписку у них. Я ж не виноват, что меня matka так продала.

— Ну ладно, завтра пойдём.

Ну, как они там шли? Назад пяткам: «Пройдём три раза», — и там шагнули — и пришли.

— Кум, что ты пришёл? Вчёра был. Сёдни с каким ты пришёл?

— Так, пришёл я к вам с просьбой сёдни.

— С какой ты к нам просьбой мог придти? Ни с какой с просьбой не должен приходиться. Ты у нас жрёшь, пьёшь — и с просьбой пришёл?! А мальчика что ты это привёл?

— А мальчик этот не виноват, его мать продала, — говорит.

— А так ты пришёл это...— защита? Вот он пришёл с каким! Пришёл! Жрёшь, пьёшь у нас, и пришёл с какой новостью! С такой новостью ты к нам не ходи ни разу.

— Да не, помилуйте этого мальчика. Он не виноват. Матери, коль хотите, делайте, а это ж ребёнок.

Ну, ладно. Чёрт взял мост отложил — как пошли черти.

— Есть у вас расписка мальцева? Есть расписка?

— Нет, нет, нет... — сыпались, сыпались, сыпались. — Нет, нет, нет...

Идёт кривой напоследё, все перешли.

— У тебя расписка?

— Да, у меня.

— Отдай мálьцу расписку.

— Не отдам!.. Она, — говорит, — всю ночь плясала, а его нянчил, колыхал. Не отдам.

— А вот на кумову постелю тебя! Покатаем — так отдашь.

Тогда взял кривой чёрт выкинул расписку. А что это — кумова постеля? А это куму этому (мельнику) такая подлажена. Иголки да шилья — будут катать его по этой постели.

Ну что ж — отдал. Так мальчик взял да себе в карман.

— Ну, садитесь есть!

Ну, посадили. Принесли ситнику — это конячьи говны. Пиво — это ссаки кобыльи, да конячьи, да и коровьи. Колбасы — змеи. Понанесли — мельник ест, да и всё. Малец не покушал. Мельник его колоть под бок:

— Что ты не ешь? Такие закуски.

— Нет, я не хочу, я ел. Я, — говорит, — сыт, не хочу.

А этот ест, мельник. Ели там, ели... Ну...

— Чтоб ты ещё с такой запиской к нам не приходил никогда. А то тебя по кускам разорвём.

Оии там... как шагнули опять — и идут дорогой оттуля.

Мельник говорит:

— Что такое? Что ты вот не ел? Такая закуска хорошая, а ты не ел.

А мálец ему говорит:

— А какая ж это закуска? Это что? Ситники — конячьи говны, коровьи.

Пил пиво — это коровьи ссаки да конячьи. А колбасы — змеи.

— Это правда?

— Правда, я, — говорит, — не могу есть это, я не ем.

— А я тебе расписку не отдам, когда ты меня не спасёшь. А постеля тебе приготовлена — шилья да иголки. Тебя будут катать по этой постели, когда ты меня не спасёшь. А я и не дам расписку.

— Спасу, когда ты будешь слушать меня, спасу.

Ну, пришли домой. Мельничиха-то рада — Боже мой, Боже мой! Опять всё... — завтрак приготовила и всё...

— Ну вот, — говорит (мальчик), — поставь осиновый кол большой, и кругом дров обкладай, и сам сядь туда наверх, а я буду подпекать. И надо тебе вот... — книжка Ваянгелие — и читай. Что с тобой будут делать, ты молчи. Только читай и читай, читай и читай.

Ну... Он сел высоко и взялся читать. Как налетели эти ворóнья — ах, Боже мой! — ворóнья, сороки! Плюют на него, кархают на него:

— Пусть тебя разорвало, когда ты не наелся, когда ты не напился. Кого ты послушал? Ребёнка послушал! Дурак ты.

И плюют, и кархают, и бьют его... И он ничего: всё читает, всё читает... А этот всё подпекает, всё подпекает... И столько налетело! Даже... ну, не знаю, что такое?! Готовы разорвать воробья его.

Читал, читал, читал — совсем уже немножко остаётся. Ну, остаётся так уже листка два. А взялись отлетать воробья — прочь, прочь, прочь, прочь! Всё отлетали, отлетали, плевали, кархали — отлетают прочь. Ну, отлетели. Осталось два голубя. Остался ангел мальчику и ангел его.

— Закрывай книжку.

Закрыв.

— Вот теперь, — говорит, — ты больше к ним не пойдёшь. Не пойдёшь.

Ну, пошли домой. И вот мельничиха там опять... угостила — всё.

— Остаься, юнош. У нас всё богатство, какое есть, — всё на тебя.

— Нет, пойду домой. Я со своей мамкой разберусь... Со своей мамкой разберусь и занесу ей эту расписку, отдам ей. Я приду к вам, я приду к вам...

И домой пришёл.

Ну вот, батька говорит:

— Что хошь, то и делай с матерью. Что хотишь, то и делай.

Вот он засадил на год её в тюрьму — и фунт хлеба, и фунт воды. Будешь жива — будешь, а не будешь — не жива. Вот. И сказка вся.

От редактора рубрики

Народная сказочная традиция к настоящему времени — затонувший архипелаг. Пострадав от идеологического давления советской власти, фольклорная сказка возродилась во время Великой Отечественной войны, не только заменяя другие, недоступные формы словесности, но и духовно помогая человеку обращением к архетипам и глубинам традиции. Сокрушительный удар сказке нанесло как запустение деревень, так и широкое распространение телевидения. Если в конце 1980-х годов и можно было ещё найти настоящих сказочниц старшего поколения, то все они хранили сказки разве только в пассивной памяти, не рассказывая их уже лет двадцать.

Сказки Матрёны Ивановны Патриковой записывались в 1987–1988 годах экспедицией ЛГПИ им. А. И. Герцена в д. Староселье Западнодвинского района Тверской области. Это территория псковско-смоленско-витебского пограничья, а значит, и культурного «многоязычия». Матрёне Ивановне было на тот момент 94 года. В среде своей деревни она представляла уже ушедший духовный и культурный тип. Говорила она на архаично звучащем местном диалекте; так, цоканье к концу 1980-х сохранялось только в воспоминаниях. Интонационный строй речи Матрёны Ивановны совсем не был похож на современный, да и само осмысление мира и своей судьбы было иным. Так, говоря о своём неприятии матерной брани, М. И. Патрикова употребила архаическую формулировку: «На матку-землю не клала, на Божью Матерь не клала». Матрёна Ивановна рассказала девять сказок, в основном — волшебных (с явным преобладанием эпического, «богатырского» колорита). Архаические сюжеты, изощрённость и динамичность формульного строя, интонационно-ритмическая режиссура сказок М. И. Патриковой напоминают о «золотом веке» русской сказочной традиции.

Тексты сказок расшифрованы с аудиозаписи и подготовлены к печати О. Р. Николаевым. В круглых скобках даны поясняющие вставки от редактора.

Коровушка Бялонюшка

Волшебная сказка. Исключительное в русской традиции сочетание сюжетов «Чудесная корова» (Аарне-Томпсон: 511) и «Чудесные дети» (Аарне-Томпсон: 707); в «Сравнительном указателе сюжетов. Восточнославянская сказка» (Л., 1979) не зафиксировано. Однако сами сюжеты — в версиях «Крошечки-Хаврошечки» («Сказки А. Н. Афанасьева») и «Сказки о царе Салтане» Пушкина — стали символами русской народной сказки вообще.

Ляксе́й Горемы́ка

Волшебная сказка; не принадлежит к какому-либо определённом сюжетному типу. Некоторое сходство обнаруживается с сюжетом «Неверная жена» (Аарне-Томпсон: 318); эпизод получения волшебных предметов восходит к сюжету «Обманутые черти» (Аарне-Томпсон: 518). Образ Ляксея Горемыки типологически схож с героем сюжета «Пойди туда, не знаю куда» (Аарне-Томпсон: 465А): Бессчастный стрелок; Бездольный; Горе-горянин, Данило-дворянин; Федот-стрелец и др. Сказка осложнена легендарными мотивами: святой Микола в роли волшебного помощника, упоминание «антихристского царства» и т. д.

Млад юнош

Легендарная сказка. Сюжет «Кумова кровать» (Аарне-Томпсон: 756В) в XX веке фиксировался крайне редко. Своеобразна завязка действия: продажа души ребёнка чёрту за пляску сразу после родов. В местной мифологической традиции чёрт часто предстаёт играющим на скрипке, покровителем пляски и инструментальной музыки. В варианте Патриковой во многом усилена роль героя как орудия спасения грешников: «причащает» разбойников, путь спасения кума-мельника подсказывает именно он.

Словарь сказочных слов

Блазень — шалун, шутник, проказник.

В головашках — в изголовье.

Воперь — вепрь (кабан).

В подполни — в поддень.

Вывернишек — от «вывернуть»; обиходная вещь (шапка, рукавица и т. д.), вывернутая наизнанку, лишённая своего облика, имени и функций, используется как жребий.

Гребовать — гнушаться, брезговать.

Дуже — очень.

Изобка — от «изба».

Исть — есть.

Колыхать («*колышет*») — качать колыбель (люльку).

Кудель — вычесанный пучок льна, приготовленный для прядения.

Купест-манаст — очевидно, архаический синоним формулы «сила-казна несметная».

Лыч — свиное рыло.

Любый — привлекательный, который нравится.

Масачёк-кремешок — кремь и огниво.

Мизяный палец — мизинец.

Мушинка — мушка, от слова «муха».

Ольховые (яблоки) — дикие (от «ольха»).

Орать — пахать.

Повесомо — пучок измятого и вытрепанного, но не вычесанного льна.

Подарунка — подарок.

Потылица — затылок.

Сёдни — сегодня.

Скородить — боронить.

Слинка — слюна, слюнка.

Сытница — ситный хлеб, испечённый из просеянной через сито муки.